

УДК 811.161.1'367 (045)

ФОРМЫ ИМПЛИЦИТНОГО (СИНТАКСИЧЕСКОГО) ВЫРАЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ Б. А. АХМАДУЛИНОЙ

Татьяна Викторовна Кузьмина

аспирант кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики

Удмуртский государственный университет

426008, Удмуртская Республика, Ижевск, ул. М. Горького, 68. takan87@yandex.ru

Предметом настоящего исследования являются имплицитные формы выражения времени в поэзии второго этапа творчества Б. А. Ахмадулиной – безглагольные синтаксические конструкции. Обосновывается идея о том, что синтаксическое время – это один из малоизученных до сих пор феноменов, хотя этой проблематики касались в своих трудах В. Г. Адмони, Ш. Балли, А. М. Пешковский и др. Данная статья – лишь часть большого исследования, посвященного изучению темпоральной системы, представленной в поэтическом творчестве Б. А. Ахмадулиной. Основным в работе является функционально-грамматический подход к анализу поэтического материала, который используется в работах А. В. Бондарко. Заметим, что время (темпоральность) в тексте может быть выражено не только глагольными формами (явно, эксплицитно), но и синтаксическими конструкциями, которые не содержат этих форм (неявно, имплицитно). Такие конструкции представляют собой безглагольные двусоставные и односоставные предложения. Целью статьи является анализ безглагольного синтаксиса поэтических текстов Б. А. Ахмадулиной, который имеет свои семантические и грамматические особенности. Безглагольные синтаксические конструкции могут образовывать именные группы, которые, в свою очередь, имеют пропозитивную семантику и являются смысловыми эквивалентами предложения, а предикация в них содержится в свернутом, сжатом виде. Автор статьи приходит к выводу, что в безглагольных синтаксических конструкциях нет конкретного обозначения действия. Это придает неопределенную многозначность подразумеваемой семантике.

Ключевые слова: безглагольная синтаксическая конструкция; поэтический текст; номинативный ряд; синтаксическое время; темпоральность; перцептор; настоящее время; имплицитные формы времени.

Категорию синтаксического времени следует отнести к числу малоизученных феноменов. Понятие синтаксического времени, введенное в отечественную русистику А. А. Шахматовым, в трудах В. В. Виноградова было положено в основу определения предикативности. Этому сложному языковому явлению посвящены многочисленные лингвистические исследования, которые относятся к разным направлениям синтаксической науки. В частности, изучением категории синтаксического времени занимались В. Г. Адмони, Ш. Балли, А. М. Пешковский, В. В. Виноградов, Н. Д. Арутюнова, Г. А. Золотова, С. Г. Ильенко, П. А. Лекант, И. А. Нагорный и др.

В работах А. В. Бондарко и его последователей реализован, прежде всего, подход функционально-семантический и функционально-грамматический, а синтаксические вопросы затрагиваются лишь в той мере, в какой они представляются существенными для изучения функционирования глагольных форм. Тем не менее, как от-

мечает Т. Е. Шаповалова [Шаповалова 2000], труды А. В. Бондарко оказываются в центре внимания синтаксистов, поскольку они определяют общетеоретические подходы к анализу очень важных компонентов предложения.

Данная статья является частью большого исследования, посвященного описанию темпоральной системы, представленной в поэтическом творчестве Б. Ахмадулиной. Поэтому для нас основным является функционально-грамматический подход к анализу фактического материала и методика описания темпоральных значений, использованные в работах А. В. Бондарко [Бондарко 1971а, Бондарко 1999] и «Теории функциональной грамматики» [Теория функциональной грамматики 1990]. В первую очередь наше внимание было сосредоточено на эксплицитно выраженных значениях времени: глагольных формах, существительных и наречиях, выражающих идею времени. Однако без учета имплицитных форм времени, которые используют-

ся в поэзии Б. Ахмадулиной не менее активно, чем эксплицитные, анализ материала оказался бы неполным и односторонним.

На основные случаи выражения темпоральных значений за пределами глагольных форм времени глагола А. В. Бондарко обратил внимание еще в работе «Грамматическая категория и контекст» [Бондарко 1971б], а затем вернулся к этому вопросу на страницах «ТФГ» [Теория функциональной грамматики 1990]. Однако и в той и другой работе оказались исследованными отнюдь не все случаи имплицитно представленных темпоральных значений, не все способы их реализации в контексте, которые, в частности, обнаруживаются в поэтических текстах Б. Ахмадулиной.

Итак, время (темпоральность) в тексте выражается не только глагольными формами (явно, эксплицитно), но и синтаксическими конструкциями, не содержащими этих форм (неявно, имплицитно). Темпоральность выражается посредством конструкций, представляющих собой безглагольные двусоставные и односоставные предложения. Такого рода конструкции рассматриваются Н. Ю. Шведовой. Ср., например, двусоставные предложения: *Отец учитель; Девочка умна; Отец дома* и односоставные предложения: *Ночь; Сколько цветов!; Ни души* [Шведова 1967: 17–24].

Во всех этих случаях значение времени выражено самой синтаксической структурой предложения независимо от того, имеется ли в них соотношенность с прошедшим и будущим временем, выражаемым глаголом-связкой, или нет. Такого рода структурные типы в широком смысле можно назвать безглагольными [Бондарко 1971б: 38–39].

Данные конструкции выражают значение настоящего времени и соотносятся с конструкциями, включающими формы типа *был, будет*. К существенным особенностям данных конструкций А. В. Бондарко относит их способность передавать те же частные значения, которые выражаются конструкциями с глагольными формами настоящего времени [Теория функциональной грамматики 1990: 46–47].

В числе первых, кто осознал, что разница между высказываниями типа *Зима*, с одной стороны, и высказываниями типа *Была зима, Будет зима* – с другой, «исчерпывается формами времени», был В. В. Виноградов [Виноградов 1950: 114]. Как утверждает М. А. Ломов, Виноградов стоял у истоков широкого подхода к номинативности [Ломов 1994: 220].

На семантические и грамматические особенности безглагольного синтаксиса, широко представленного в поэзии, исследователи давно обра-

тили внимание, начиная с анализа знаменитого «номинативного» стихотворения А. Фета «Шёпот, робкое дыханье...» и заканчивая не менее знаменитым стихотворением А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...», в которых, несмотря на отсутствие глаголов, передаётся движение и изменение природы, воссоздаётся событийный ряд. В частности, о синтаксических особенностях фетовского стихотворения М. Л. Гаспаров пишет: «Все предложения простые, назывные, поэтому их соположение позволяет ощущать соотношения их длины очень четко. Если считать, что короткие фразы выражают большую напряженность, а длинные – большее спокойствие, то параллелизм с нарастанием эмоциональной наполненности будет несомненен» [Гаспаров 1997: 29].

Описывая номинативные (в терминологии автора – односоставные предметные) предложения, А. М. Ломов пронизательно отмечает важные для наших последующих рассуждений моменты, в частности, он пишет о формальной неэксплицированности хронотопа в этих типах предложений, который связан, по мнению исследователя, с тем, что время и место соответствующего «положения дел» не требуют упоминания, иногда они просто очевидны [Ломов 1994: 218]. Далее он поясняет (считаем оправданным привести довольно пространную цитату): «Легко заметить, что сплошь и рядом говорящие (пишущие) не имеют возможности преобразовать «исторические» структуры так, чтобы они оказались переориентированными на абсолютный временной план. Причины этого явления неоднозначны. Прежде всего, здесь даёт о себе знать эстетический фактор. Действительно, если бы мы попытались такого рода процедуру проделать с цепочкой предложений: *Шёпот. Робкое дыханье. Трели соловья*, – назойливо повторяющиеся слова *был, было, были* превратили бы стихотворение А. Фета в некое подобие инвентарной книги, скрупулёзно фиксирующей всё, что имеется на складе, над чем не без основания иронизировал в своё время М. И. Стеблин-Каменский» [там же: 219].

Коммуникативная грамматика по поводу примеров типа *За сценой шум и аплодисменты* (А. П. Чехов) отмечает, что в безглагольном предложении нет предикативного сопряжения между названиями действия и его агенса. Языку нет надобности его предикативно расчленять, потому что эти безглагольные модели не могут быть ответом на вопрос о том, каким видит и слышит воспринимающее лицо наблюдаемое им пространство. Будь это действия, звуки, состояния, наличествующие предметы, – они характеризуют обозначенное одной из локативных форм место или неназванное, но очевидное для адреса-

та речи пространство. Если сравнить выражение действия в глагольной модели и в безглагольной, можно заметить, что в отглагольном имени значение акциональности несколько ослабевает, поскольку имя не передает действия в его процессуально-временной локализованности, в многообразии его грамматически-семантических характеристик [Золотова 1998: 166–167].

В безглагольных синтаксических конструкциях нет конкретного обозначения действия, что придает неопределенную многозначность подразумеваемой семантике. Отсутствие глагола символизирует в поэтических текстах огромность, несоизмеримость выраженного действия – чувства – состояния с теми привычными смыслами, которые связаны с семантикой конкретного глагола [Ковтунова 2005: 282]. Приведем в качестве примера строки из стихотворения «Описание обеда»:

Не мил мне чистый снег на крышах,
Мне тяжело мое чело,
И все за тем, что вещей критик
не понял в этом ничего...
[Ахмадулина 1997: 143]

В них описывается с помощью двусоставных безглагольных конструкций (*не мил снег, тяжело чело*) состояние лирической героини. Полагаем, что время в данном отрывке можно отнести и к конкретному моменту речи, и к ситуации, которая длится неопределенный промежуток времени.

По сути, безглагольные синтаксические конструкции не характеризуют ситуацию «здесь и сейчас», они описывают некое типичное положение вещей, которое повторяется изо дня в день или было когда-то ранее, в прошлом (стихотворение «Биографическая справка»):

Бегом, в Тарусе, босиком, в росе,
без промаха – непоправимо мимо,
чтоб стать любимой менее, чем все,
чем все, что в этом мире нелюбимо...
[Ахмадулина 1997: 138]

В данном четверостишии можно обнаружить несколько безглагольных синтаксических конструкций. Здесь представлены и эллиптическое предложение (*бегом, в Тарусе, босиком, в росе, без промаха – непоправимо мимо*), и двусоставная безглагольная конструкция (*что в этом мире нелюбимо*).

«Присутствие» в наблюдаемом пространстве воспринимающего лица, перцептора, вербализуется авторизирующими средствами, преимущественно словами, называющими сенсорное вос-

приятие [Золотова 1998: 167] (стихотворение «Строка»):

Пластинки глупенькое чудо,
проигрыватель – вздор какой,
и слышно, как невесть откуда,
из недр стесненных, из-под спуда
корней, сопревших трав и хвой,
где закипает перегной,
вздывая пар до небосвода,
нет, глубже мыслимых глубин,
из пекла, где пекут рубин
и начинается природа, –
исторгнут, близится, и вот
донесся бас земли и вод...
[Ахмадулина 1997: 174]

Данный тип восприятия поддерживается словами, называющими музыкальные элементы, – *пластинки, проигрыватель*. Отметим также, что в данном контексте мы обнаруживаем однородные именные ряды (*из недр стесненных, из-под спуда корней... трав и хвой... из пекла*). Позиция в однородном ряду, член которого совпадает с ритмической единицей, обособляет синтаксическую группу, превращает ее в семантически самостоятельную единицу, обозначающую признак.

В приведенном отрывке вычленяется именная номинативная конструкция (*пластинки глупенькое чудо*), двусоставная безглагольная конструкция (*проигрыватель – вздор какой*), а также главная часть изъяснительной конструкции тоже с опущенным глаголом-связкой (*и слышно, как невесть откуда, из недр стесненных, из-под спуда корней, сопревших трав и хвой...*).

Интересно, что в данном стихотворении эксплицитно представленные формы времени *исторгнут, близится, донёсся* (бас), выраженные кратким страдательным причастием прошедшего времени, а также глаголами соответственно настоящего актуального и прошедшего перфектного времени как последовательность сменяющих друг друга ситуаций, одна из которых имеет растянутый процессный характер, предваряются целым рядом форм настоящего, выраженного синтаксически. При этом общее слуховое восприятие, выраженное предикативным наречием *слышно*, далее как бы разлагается на последовательные моменты, связанные с извлечением звука, его нарастающим звучанием и достижением звучности, ощущаемой для перцептора. Связь актуального настоящего, выраженного синтаксически (*глупенькое чудо пластинки, проигрыватель, слышно*), с настоящим, выраженным формами эксплицитного настоящего (*близится*) и прошедшего завершенного, не утратившего для

настоящего своей актуальности (*донёся*), при этом выглядит наиболее гармонично.

Еще В. В. Виноградов заметил, что перечисление в стихах А. С. Пушкина – это способ «объединения характерных признаков, средство сгущения мысли» [Виноградов 1941: 349].

Именные группы в составе членов предложения часто имеют пропозитивную семантику и являются смысловыми эквивалентами предложения. Предикация в них содержится в свернутом, сжатом виде. Имя существительное имеет значение качества или действия (образовано от прилагательного или глагола) [Ковтунова 2005: 289].

Рассмотрим следующий отрывок из стихотворения «Тоска по Лермонтову»:

Внизу так **чист**, так **мрачен** Мцхетский **храм**.
Души его **воинственна** **молитва**.
В ней **гром** мечей, и лошадиный **храп**,
И вечная за эту землю **битва**...
[Ахмадулина 1997: 115]

В приведенном четверостишии вычленяются двусоставные безглагольные конструкции (*так чист, так мрачен Мцхетский храм; воинственна молитва*), соседствующие с конструкциями, которые традиционно рассматриваются как двусоставные предложения, в них опущено сказуемое (*В ней гром мечей, и лошадиный храп, и вечная <...> битва*). Именно они образуют здесь однородный ряд. В этих конструкциях существительные образованы от глагола (гром – гроыхать, храп – храпеть, битва – биться). Многие исследователи подмечают даже эффект сохранения вида в таких существительных. Синтаксические потенции имён действия подробно обсуждаются в монографии В. П. Казакова «Синтаксис имён действия». «Имена действия занимают особое место в подклассе отвлечённых существительных благодаря сохранению в «скрытом» виде временных, аспектуальных и залоговых значений, генетически присущих глаголу» [Казаков 1994]. Исследователь отмечает, что имена действия, «выйдя» из глагола, но сохраняя частично его грамматические признаки и значение действия, оказываются внутренне противоречивым подклассом существительных, занимая как бы промежуточное положение между глаголом и существительным [там же]. Авторы «Коммуникативной грамматики» утверждают, что именно в таких случаях отглагольные существительные берут на себя функцию глагола.

Не менее интересен лексический состав однородных рядов безглагольных конструкций. Как считает О. Н. Панченко, в них входят обычно имена существительные, обозначающие время суток, стихийные явления природы, процессы и

результаты процессов восприятия, физические и психологические состояния человека [Панченко 1981]. Так, в приведенном выше отрывке из стихотворения «Тоска по Лермонтову» вычленяются существительные, обозначающие процесс слухового восприятия: *гром мечей, лошадиный храп*, – здесь то, что слышно перцептору. В приведенном контексте оба существительных могут быть подвергнуты субституции: *в ней гремят мечи, и лошади храпят, и идёт вечная за эту землю битва*, которая со всей очевидностью приводит именно к глаголу в настоящем времени. Интересные замечания по поводу конструкций, о которых идёт речь, находим у В. В. Бабайцевой. Исследовательница полагает, что если в односоставных номинативных предложениях главный член выражен отглагольным существительным, то в них сочетаются семантика акциональности и семантика бытийности [Бабайцева 2004: 80]. Такие конструкции, действительно, не могут быть резко отделены от ядра ФСП темпоральности и составляют, как это указано в [Теория функциональной грамматики 1990: 47], ближнюю его периферию.

Безглагольные синтаксические конструкции могут вклиниваться в описание какого-либо события, давать характеристику одному из действующих лиц (отрывок из стихотворения «Варфоломеевская ночь»):

В ту ночь, когда Святой Варфоломей
на пир созвал всех алчущих, как **тонок**
был плач того, **кто** между двух огней
еще **не гугенот** и **не католик**...
[Ахмадулина 1997: 150]

Мы видим здесь двусоставное предложение (*как тонок был плач того*), но глагольное, с именной частью, выраженной кратким прилагательным (*тонок был*). А уже следующая конструкция – это двусоставное безглагольное предложение (*кто не гугенот и не католик*). Примечательно, что сказуемых в этом случае – два (*не гугенот и не католик*), т. е. вроде бы сам субъект не назван, но описание его расширено за счет использования двух сказуемых. И действительно, здесь передается информация об одном событии (в данном случае – ночной пир), а также характеристика субъекта (*еще не гугенот и не католик*). Субъект, о котором идет речь, заметим, обозначен (есть указание на лицо) с помощью местоимения *кто*, но не назван, а потому трудноопределим. Безглагольное двусоставное предложение передает семантику неполной определенности субъекта. Имя в таком контексте – или действие, или качественный признак. В. В. Бабайцева относит такого типа предложе-

ния к логико-синтаксическому типу характеристики [Бабайцева 2004: 76]. В приведённом отрывке имя означает качественный признак, а прономинализация (неназывание) субъекта описания позволяет автору избежать нежелательной конкретности.

Если попытаться сравнить позиционное положение (ближе к ядру темпоральности – дальше от него) разных по смыслу (семантике) безглагольных синтаксических конструкций, встречающихся в поэтических текстах Б. Ахмадулиной, то можно предположить, что последняя из рассматриваемых конструкций – двусоставное безглагольное предложение *кто не гугенот и не католик* будет, очевидно, ближе по своим структурно-смысловым параметрам и возможностям выражения темпоральности к центральным, ядерным, так как, действительно, здесь соотносительность с морфологическими средствами (был/будет) налицо [Теория функциональной грамматики 1990: 47]. А вот конструкции, проанализированные ранее, *Пластинки глупенькое чудо, проигрыватель – вздор какой*, явно окажутся от центра несколько дальше, поскольку с трудом поддаются обозначенной в ТФГ трансформации. Представить себе конструкцию *Было/будет пластинки глупенькое чудо* или *Проигрыватель был/будет вздором* в нормальной речевой ситуации вряд ли возможно. Здесь оказывается важным не формально-структурное, а смысловое наполнение конструкции, о котором пишет Г. А. Золотова. Она утверждает, что семантическая структура предложения является такой же языковой реальностью, как и грамматическая структура. С точки зрения исследовательницы, важным элементом структуры синтаксической формы является категориально-семантическое значение слова [Золотова 1973].

Можно заметить, что иногда безглагольные синтаксические конструкции обозначают авторскую ремарку, как это обычно бывает в пьесе, в сценарии. Как правило, в текстах Б. А. Ахмадулиной ремарка состоит из разрозненных по содержанию именных номинативных предложений (стихотворение «В том времени, где и злодей...»):

Вступление: ломкий силуэт,
повинный в грациозном форсе.

Начало века. Младость лет.

Сырое лето в Гельсингфорсе...
[Ахмадулина 1997: 152]

В данном случае имплицитно представлено такое неактуальное настоящее, которое близко по своему значению к настоящему сценическому. А. В. Бондарко располагает его на периферии

настоящего неактуального, полагая, что такого типа темпоральные ситуации «в известном смысле нейтральны по отношению к признаку локализованности / нелокализованности действия в рамках настоящего». Как утверждает исследователь, сценическое настоящее «обозначает действие, одновременное не с моментом речи, а с одним из моментов «сценического времени» [Бондарко 1971а: 72]. В данном случае точка отсчёта не локализована, каждый читающий стихотворение воспринимает его в «своём» настоящем, актуализируя, локализуя эту точку отсчёта до своего ощущения «сейчас». Наши рассуждения, как представляется, звучат в унисон с тем, что отмечает и В. В. Бабайцева: «...Большая часть односоставных предложений совмещает в информативной семантике логико-понятийный смысл с наглядно-чувственной образностью, ориентированной на действительность» [Бабайцева 2004: 113]. Следует согласиться и с ее мнением в том, что каждый писатель стремится сделать читателя как бы соучастником событий, помочь увидеть и почувствовать то же, что и персонажи его произведений. В значительной мере этому способствуют односоставные предложения, краткость которых восполняется наглядно-чувственными образами, оживляющими картину [там же: 113].

Игра на актуальном и неактуальном настоящим, да ещё и представленном имплицитно, а значит, намеренно размытом, текущем настоящим, позволяет поэтессе соединить в восприятии композиционное начало (*вступление*) и начальный период времени (*начало века*). При этом сам век точно не обозначен, остаётся домысливать, что это век двадцатый, кроме того, точное обозначение времени (год, месяц) также отсутствует. Актуально только время года – лето, которое и обозначено. Такое восприятие настоящего обусловлено бытийным семантическим ключом.

Пытаясь уловить и правильно осмыслить многогранность значения того настоящего, которое незримо присутствует в приведённом стихотворении, невольно вспоминается высказывание о природе настоящего О. Есперсена в «Философии грамматики»: «Настоящий момент, «сейчас» – это только текущая граница между прошедшим и будущим, она все время движется «вправо» по линии, изображенной на схеме. Однако на практике «сейчас» означает промежуток времени со значительной длительностью, которая сильно меняется в зависимости от обстоятельств; ср. такие предложения, как: *He is hungry* «Он голоден», *He is ill* «Он болен», *He is dead* «Он мертв». Здесь наблюдается то же, что происходит с соответствующим пространственным словом *here*

«здесь», которое в зависимости от обстоятельств имеет самое различное значение («в этой комнате», «в этом доме», «в этом городе», «в этой стране», «в Европе», «в этом мире»)» [Есперсен 1958: 301].

Отдельному рассмотрению подлежит отрывок из стихотворения «Клянусь»:

Тем летним снимком: на крыльце чужом,
как виселица, криво и отдельно
поставленном, не приводящем в дом,
но выводящем из дому...
[Ахмадулина 1997: 141]

В приведенном отрывке из стихотворения «Клянусь» используются конструкции, по своему составу близкие к разговорному типу речи. В них можно обнаружить в скрытом виде неназываемый субъект – наблюдателя и его точку зрения. В данном отрывке перцептор отстраняется от происходящего и ведет рассказ о событиях со стороны. Отметим, что в данном случае описывается некий летний снимок, который был снят давно: об этом свидетельствует употребление указательного местоимения *тот*. Ср.: «Семантически местоимения *тот* и *этот* различаются тем, что *тот* указывает на предмет более отдаленный, уже упоминавшийся в речи, а *этот* – на предмет весьма близкий» [Валгина 2002]. Картина, представленная в данном предложении, предполагает восприятие.

Строка стихотворения «Тем летним снимком...» – это неполное предложение, которое мы вполне можем восстановить до полного с глаголом: «Клянусь тем летним снимком». Поэтический прием в данном случае заключается отнюдь не в употреблении безглагольной конструкции, а в том, что главный член – глагол как бы вынесен за пределы текста. Строку «Тем летним снимком...» с точки зрения выражения категории темпоральности, очевидно, следует отнести к дальней периферии. Здесь значение и семантика времени оказываются неопределенными и передаются определениями, характеризующими снимок – указательным местоимением *тем* и относительным прилагательным *летним*, позволяющим отнести *снимок* (фотографию/яркий образ, запечатленный в стихотворении) к одному из времён года – лету.

Подведем итоги. Безглагольные синтаксические конструкции в поэзии Б. А. Ахмадулиной описывают типичное положение вещей, поскольку в большинстве своем выражают значение настоящего неактуального времени. Подобного рода конструкции являются имплицитными формами выражения времени. Стоит уточнить, что такого рода конструкции с точки зрения их

смысловой и грамматической соотнесённости с эксплицитными конструкциями можно отнести или к ближней периферии категории темпоральности, или к дальней. К ближней периферии можно отнести однородные ряды безглагольных конструкций типа *гром мечей, лошадиный хrap, вечная битва*, представленные у Ахмадулиной и рассмотренные выше, или двусоставные безглагольные конструкции типа *кто не гугенот и не католик*. К дальней периферии, по нашему мнению, следует отнести конструкции типа *пластинки глупенькое чудо, проигрыватель – вздор какой*. Можно заключить также, что безглагольные синтаксические конструкции в поэзии Б. А. Ахмадулиной стремятся к тому, чтобы стать сущностными характеристиками создаваемого художественного мира поэта [Муратова 2014: 49]. Они представляют интерес с точки зрения изучения грамматического построения поэзии. Данные выводы подтверждают мнение других исследователей о том, что поэзия не только дает богатый материал для лингвистического анализа, но и помогает решить многие вопросы структурной организации текста, обогащая науку о языке в целом [Лыхина 2008: 91].

Список литературы

- Ахмадулина Белла. Сочинения. Т. 1. Стихотворения 1954–1979 гг., переводы из грузинской поэзии, рассказы. М.: КОРОНА-ПРИНТ, 1997. 632 с.
- Бабайцева В. В. Система односоставных предложений в современном русском языке. М.: Дрофа, 2004. 512 с.
- Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971а. 238 с.
- Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971б. 116 с.
- Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация времени. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 260 с.
- Валгина Н. С. Современный русский язык. М.: Логос, 2002. 528 с. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook107/01/part-087.htm> (дата обращения: 05.04.2014).
- Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1941. 620 с.
- Виноградов В. В. Синтаксис русского языка акад. А. А. Шахматова // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950. 414 с.
- Гаспаров М. Л. Фет безглагольный. Композиция пространства, чувства и слова // Избр. труды. Т. II. О стихах. М., 1997. С. 21–32.
- Есперсен О. Философия грамматики / пер. с англ. В. В. Пассека, С. П. Сафроновой. М.: Иностран. лит., 1958. 400 с.

- Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. 351 с.
- Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1998. 528 с.
- Казаков В. П. Синтаксис имён действия. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. 149 с. URL: http://ksana-k.narod.ru/menu/slave/kazakov_1994.html (дата обращения: 13.06.2014).
- Ковтунова И. И. Синтаксис поэтического текста // Поэтическая грамматика. Т. 1 / отв. ред. И. И. Ковтунова, Н. А. Николина, Е. Красильникова. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2005. 429 с.
- Ломов А. М. Типология русского предложения. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. 280 с.
- Лыхина Е. В. Синтаксическая организация стихотворной речи // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2008. Вып. 5(21). С. 91–95.
- Муратова Е. Ю. Специфика функционирования причастия в поэтическом тексте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 1(25). С. 48–51.
- Панченко О. Н. Номинативные и инфинитивные ряды в стихотворной речи (синтаксическая структура, лексико-семантический состав и композиционные функции): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 15 с.
- Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин. Л.: Наука; Ленингр. отд-ние, 1990. 262 с.
- Шаповалова Т. Е. Категория синтаксического времени в русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000, 421 с. URL: http://www.dissland.com/catalog/kategoriya_sintaksicheskogo_vremeni_v_russkom_yazyke.html (дата обращения: 21.06.2014).
- Шведова Н. Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке: опыт типологии // Русский язык. Грамматические исследования: сб. статей. М.: Наука, 1967. С. 3–77.
- References**
- Akhmadulina B. Sochinenija. T. 1. Stikhotvorenija 1954–1979 гг., perevody iz gruzinskoj poezii, rasskazy [Works. Vol. 1. Poems 1954–1979, translations of Georgian poetry, stories]. Moscow: KORONA-PRINT Publ., 1997. 632 p.
- Babajceva V. V. Sistema odnosostavnyh predlozhenij v sovremennom russkom jazyke [System of member sentences in modern russian language]. Moscow: Drofa Publ., 2004. 512 p.
- Bondarko A. V. Vid i vremja russkogo glagola (znachenie i upotreblenie) [Aspect and tense of russian verb (meaning and usage)]. Moscow: Prosveshhenie Publ., 1971a. 238 p.
- Bondarko A. V. Grammaticheskaja kategorija i kontekst [Grammatical category and context]. Leningrad, 1971b. 116 p.
- Bondarko A. V. Osnovy funkcional'noj grammatiki. Jazykovaja interpretacija vremeni [Basis of functional grammar. Linguistic interpretation of time]. St. Petesburg: St. Petesburg Univ. Publ., 1999. 260 p.
- Valgina N. S. Sovremennij russkij jazyk [Modern russian language]. Moscow: Logos Publ., 2002. 528 p. Available at: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook107/01/part-087.htm> (accessed 05.04.2014).
- Vinogradov V. V. Stil' Pushkina [Style of Pushkin]. Moscow: State Publ. House of imaginative literature, 1941. 620 p.
- Vinogradov V. V. Sintaksis russkogo jazyka akad. A. A. Shahmatova [Russian language syntax of academician A. A. Shahmatov]. Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo jazyka [Questions of modern russian language syntax]. Moscow, 1950. 414 p.
- Gasparov M. L. Fet bezglagol'nyj. Kompozicija prostranstva, chuvstva i slova [Verbless Fet. Composition of space, feelings and words]. Izbrannye trudy. T. II. O stihakh [Selected works. Vol. II. About poetry]. Moscow, 1997. P. 21–32.
- Espersen O. Filosofija grammatiki [Philosophy of grammar]. Perevod s anglijskogo: V. V. Passeka, S. P. Safronova [Translation from English: V. V. Passeka, S. P. Safronova]. Moscow: Inostranaja literatura Publ., 1958. 400 p.
- Zolotova G. A. Oчерк funkcional'nogo sintaksisa russkogo jazyka [Essay of functional russian language syntax]. Moscow, 1973. 351 p.
- Zolotova G. A. Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka [Communicative grammar of russian language]. G. A. Zolotova, N. K. Onipenko, M. Ju. Sidorova. Moscow: Institute of Russian language named after V. V. Vinogradov Russian academy of sciences Publ., 1998. 528 p.
- Kazakov V. P. Sintaksis imjon dejstvija [Syntax of actions name]. St. Petesburg: St. Petesburg Univ. Publ., 1994. 149 p. Available at: http://ksana-k.narod.ru/menu/slave/kazakov_1994.html (accessed 13.06.2014).
- Kovtunova I. I. Sintaksis poehticheskogo teksta [The syntax of the poetic text]. Pohticheskaja grammatika. Tom 1 [Poetic grammar. Vol. 1]. Ed. by I. I. Kovtunova, N. A. Nikolina, E. Krasil'nikova. Moscow, Publ. center «Azbukovnik», 2005. 429 p.
- Lomov A. M. Tipologija russkogo predlozhenija [Typology of russian sentence]. Voronezh: Voronezh State Univ. Publ., 1994. 280 p.
- Lыхина Е. В. Синтаксическая организация стихотворной речи [Syntactical organization of poetic speech]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossi-

jskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2008. Iss. 5(21). P. 91–95.

Muratova E. Ju. Specifika funkcionirovanija prichastija v poehticheskom tekste [Specificity of functioning of a participle in a poetic text]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Iss. 1(25). P. 48–51.

Panchenko O. N. Nominativnye i infinitivnye rjady v stikhotvornoj rechi (sintaksicheskaja struktura, leksiko-semanticheskij sostav i kompozicionnye funkcii). Avtoref. diss. kand. fil. nauk [Nominative and infinitive series of poetic speech (syntactic structure, lexical and semantic structure, compositional functions). Thesis synopsis of PhD philol. sci. diss.]. Moscow, 1981. 15 p.

Teorija funkcional'noj grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost' [Theory of functional gram-

mar: Temporality. Modality]. A. V. Bondarko, E. I. Beljaeva, L. A. Birjulin. Leningrad: Nauka Publ., 1990. 262 p.

Shapovalova T. E. Kategorija sintaksicheskogo vremeni v russskom jazyke. Diss. kand. fil. nauk [Syntactic category of tense in russian language. PhD philol. sci. diss.]. Moscow, 2000. 421 p. Available at: http://www.dissland.com/catalog/kategoriya_sintaksicheskogo_vremeni_v_russskom_yazyke.html (accessed 21.06.2014).

Shvedova N. Ju. Paradigmatika prostogo predlozhenija v sovremennom russskom jazyke: opyt tipologii [Paradigmatics of simple sentence in the modern russian language: experience of typology]. Russkij jazyk. Grammaticheskie issledovanija: sbornik statej [Russian language. The study of grammar: collection of articles]. Moscow: Nauka Publ., 1967. P. 3–77.

FORMS OF IMPLICIT (SYNTACTIC) EXPRESSION OF TENSE IN B. A. AKHMADULINA'S POETRY

Tatiana V. Kuzmina

Postgraduate Student in the Department of Russian Language, Theoretical and Applied Linguistics
Udmurt State University

The subject of this study are implicit forms of expression of tense in B.A. Akhmadulina's poetry belonging to the second period of her creative work – namely, verbless syntactic constructions. It is substantiated that syntactic tense is one of insufficiently studied grammatical phenomenon, though it was studied by many scholars, such as V. G. Admony, Ch. Bally, A. M. Peshkovsky, V. V. Vinogradov, N. D. Arutunova and others. The present article is only a part of a large research devoted to studying the temporal system represented in B. A. Akhmadulina's poetry. To analyse the poetic works and study their temporal system we use a functional grammar approach borrowed from A. V. Bondarko's works, which determine general and theoretical approaches to analysis of important constituents of a sentence. It is noticed that tense (temporality) in a text can be expressed not only by verb forms (obviously, explicitly) but also by verbless syntactic constructions (implicitly). These constructions are usually verbless binuclear or mononuclear sentences. The aim of the article is to analyse verbless syntax of B. A. Akhmadulina's poetic texts, which has some special grammatical and semantic features. As A. M. Lomov notices, in these sentences chronotope is not explicitly expressed since the time and place of the relevant "state of things" just don't need mentioning, in this case they are obvious. In a verbless sentence, there is not predicative linkage between names for the action and its agent. If we compare expression of action in a verb and verbless models, we notice that actionality slackens a little since a noun doesn't express action in its processual and temporal localization, in diversity of its grammatical and semantic characteristics. Verbless syntactic constructions can form noun groups, which have propositional semantics. Such noun groups are notional equivalents of a sentence. Predication is represented in these sentences in a compressed form. The author comes to the conclusion that verbless syntactic constructions don't provide designation of action, which generates indefinite polysemy. Besides, verbless syntactic constructions don't characterize the «here and now» situation. They describe typical state of things that stays the same day by day.

Key words: verbless syntactic construction; poetic text; nominative line; syntactic tense; temporality; perceptor; present tense; implicit tense forms.